

степенью точности. Однако фитник Христианина дает возможность судить о многом посредством общего внешнего сравнения розводов его фит с розводами фитников пометного периода.

Но как ни ценен фитник Христианина, он все же касается узкого и специального участка знаменного пения. Поэтому он уступает в своем значении стихирам Евангельским из сборника Института русской литературы.

Евангельские стихиры по традиции излагаются вместе с предшествующими им светильными в следующем порядке: светилен 1—стихира 1, светилен 2—стихира 2 и т. д. (всего стихир 11). В рукописи № 70 светильны изложены подряд, но отдельно от стихир. Непонятно, почему Христианин счел нужным распеть только стихиры, оторвав их от светильнов, органически с ними связанных. В силу этого для приписывания светильнов тоже Христианину пока что достаточных оснований нет.

Стихиры Евангельские—одна из вершин знаменного распева. Они имеют высокохудожественные тексты и напевы, поражающие развитостью и красотой. Если за них взялся такой крупный мастер, как Христианин, то это заставляет думать, что и в его творчестве они должны были занимать выдающееся место.

Постараемся теперь ответить на вопрос, могут ли быть рассматриваемые рукописи автографом Федора Христианина? Достаточно сопоставить хронологические и графические данные, чтобы дать отрицательный ответ. Деятельность Христианина, как известно, протекала в царствование Ивана Грозного. Даже при возможном долголетии певца вряд ли она перешагнула границы XVI в. По почерку же знамен обе рукописи типичны для середины XVII в. Таким образом, обе они есть списки более позднего времени, но тех годов, когда система киноварных помет еще не была известна знаменной семейографии.

Стихиры Евангельские писаны пометным знаменем, а это не согласуется ни с возрастом рукописи, ни с выраженным раздельноречием текста. Пометы в стихирах позднейшие, т. е. проставлены после того времени, когда появилась самая рукопись, и не тем лицом, которое ее писало.

Пометы оказываются и далеко не единообразными. Можно заметить, что некоторые из них выскоблены, иные написаны поверх других. В нескольких местах пометы вместо киновари писаны чернилом. При ряде знамен имеется по две равнозначные, но различно написанные пометы. Кроме того, поля рукописи испещрены, как и промежутки между знаменами, киноварными примечаниями, вставками и розводами. Все это свидетельствует о том, что с установлением системы помет рукопись была кем-то опомечена, после чего пометы были просмотрены и изменены другим лицом. Самым последним работал кто-то, сделавший правки в знаменах и примечания на полях. Возможно, что в работе над рукописью участвовало и четвертое лицо, вписавшее отдельные пометы черным цветом, а заодно изменившее значение собственно знамен посредством приписки к ним добавочных обозначений вроде оттяжек, облачков, сорочьих ножек и др. Могут ли при таких условиях киноварные пометы иметь серьезное значение? Безусловно, могут.

Мы не будем касаться тех способов, которые позволяют произвести работу по «расчистке» первоначальной и старейшей редакции знамен и помет,—их несколько, но тем или иным путем может быть получена достаточно достоверная пометная редакция стихир. Все же, как ни точна будет такая редакция, хронологически она не будет совпадать со временем написания («роспевания») стихир самим их автором—Федором Христианином: она окажется опаздывающей примерно на три четверти столетия. И все же пометная редакция является наиболее близкой к первоначаль-